

О. А. Судленкова
г. Минск, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КВЕСТ В РОМАНЕ ПЕНЕЛОПЫ ЛАЙВЛИ «ФОТОГРАФИЯ»

Построение сюжета произведения вокруг какого-то артефакта (творения архитектуры, музыки, картины, фильма и т.д.) – достаточно распространенный прием в современной литературе. Анализ взаимодействия литературы с произведениями визуальных видов искусства, т. е. экфрасиса, стал в последние десятилетия одной из наиболее распространенных областей литературоведческих исследований (например, в работах «Экфрасис как тип текста» Н. В. Брагинской (1977), «Пластическая радость красоты: экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция» М. Рубинс (2000), «Воскрешение понятия, или слово об экфрасисе» Л. Геллера (2002), «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте» (2013), статьях Н. С. Бочкаревой и коллективной монографии «Экфрастические жанры в классической и современной литературе» под ее редакцией (2014), работах западных исследователей: James, A. W. Heffernan «Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery» (1993), Wagner, P. «Icons, texts, iconotexts: Essays on ekphrasis and intermediality» (1996), David, C. «Writing about Visual Art» (2003), Cheeke, S. «Writing for Art: The Aesthetics of Ekphrasis» (2010) и т. д., а также в рамках международных

научных конференций «Изображение и слово: формы экфрасиса» (ИРЛИ, 2008), «Взаимодействие литературы с другими видами искусства» (МИГУ, 2009), «Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы» (Естеств.-гуманит. ун-т, г. Седльце, Польша, 2017) и других). К подобным артефактам относится и фотография, которая, лишь виртуально присутствуя в произведении, так как является вымышленным предметом, может выполнять разные функции в ткани литературного произведения, в том числе играть роль завязки сюжета, своего рода спускового механизма, который провоцирует действие, влечет за собой цепь взаимосвязанных событий, становится причиной поступков и размышлений героев.

Именно такую функцию имеет вымышленный фотоснимок в остропсихологическом семейном романе «Фотография» («The Photograph», 2003) современной английской писательницы Пенелопы Лайвли (р. в 1933 г.). П. Лайвли – автор более двух десятков романов для детей и взрослых, лауреат Букеровской премии 1987 года за роман «Лунный тигр» («The Moon Tiger»). Ведущие темы в творчестве П. Лайвли – влияние прошлого на настоящее и память – характерны и для данного романа.

Главный герой «Фотографии» Глин Питерс, известный специалист по истории английского ландшафта и университетский преподаватель, неожиданно находит среди своих бумаг папку с надписью «Хранить» (Keep), сделанную рукой его жены, в которой видит конверт с интригующими словами, противоречащими первой инструкции: «Не открывать. Уничтожить» («Don't open. Destroy»). В конверте – фотография пятерых людей, стоящих спиной к фотографу. Трое из них хорошо известны Глину – его жена Кэт, ее сестра Элейн и муж сестры Ник. Кэт держится за руки с мужем своей сестры, стоящей рядом. В конверте также имеется записка, написанная другим почерком, о том, что негатив этой фотографии был уничтожен. Глин испытывает ярость, ревность, унижение. «He feels as though gripped by the onset of some incapacitating disease, but this paper requires attention. <...> The disease now has him by the throat. The throat, the gut, the balls. What he feels... well, what he experiences is the most appalling stomach-churning, head-spinning cauldron of emotion. Rage is the top-note – beneath that a seethe of jealousy and humiliation, the whole primed with some kind of furious drive and energy» [2, p. 5]. Потрясенный Глин стремится выяснить, где, когда и кем была сделана фотография, какие отношения связывали его жену с мужем сестры, насколько длительной была эта связь, и, наконец, были ли у его жены другие любовники.

Подобно тому, как вытасченный конверт обрушивает всю кипу бумаг Глина, так найденная в нем фотография разрушает его налаженный, упорядоченный, рационально устроенный мир и становится причиной кризиса в семье Элейн и Ника. находка разделила жизнь Глина на два периода – время неведения, спокойствия, удовлетворенности и время разочарования и поисков. «There was before the photograph, a time of innocence and tranquility, in so far as such a state exists. Now it is after the photograph, when

everything must be seen with the cold eye of disillusion» [2, p. 115]. Глин начинает расследование, встречаясь как с теми, кто имел отношение к снимку, так и с людьми, с которыми общалась его жена, участвуя в организации каких-либо мероприятий. Но постепенно он начинает интересоваться жизнью жены, открывая для себя совершенно неизвестные ему события и детали или по-новому интерпретировать знакомые факты. Глин начинает отдавать себе отчет, что каждый из них жил своей жизнью, почти не соприкасаясь.

Для определения структуры романа и последовательности действий главного героя, на наш взгляд, как нельзя лучше подходит слово *квест*, которое определяется как «поиск, предмет поисков»; в последнее же время этим словом обозначаются интерактивные игры, суть которых и состоит в поисках секретов, открытии тайн, постижении каких-то истин. Процесс расследования, который тщательно готовит и ведет Глин, иногда заходя в тупик и начиная отрабатывать новый маршрут поиска, и в самом деле выглядит как квест, тем более, что сам герой определяет свои поступки словами, синонимичными слову *quest* или связанными с ним – *search, research, pursuit, query, process*.

В поиск включается и читатель, с одной стороны, покорно идя за Глином, с другой, вынужденный по воле автора, вести *свое* расследование, так как ему до поры до времени неизвестно то, что знают герои. Первой же загадкой для читателя является причина недосказанностей в мыслях Глина. Почему, увидев пухлую папку с бумагами жены, герой вопрошает: «What is she doing here, in the middle of all that stuff that has nothing to do with her? He cannot think how it got here. Everything of hers was cleared out. Back then. When she. When» [2, p. 2]. Последние фразы создают впечатление, что Глин словно спотыкается о какую-то мысль или намеренно останавливает себя. Читатель долго остается в неведении в отношении такой странности, предполагая, что, возможно супруги давно и болезненно расстались и не общаются друг с другом, а также теряясь в догадках по поводу того, что случилось с Кэт. Недомолвки звучат и в речах других людей: «I was told she...», – начинает высказывать сочувствие одна из тех, которая по мысли Глина, могла бы пролить свет на отношения Кэт с мужчинами, но он обрывает ее. «Yes. Yes. I am afraid so» [2, p. 123]. Лишь через шестьдесят страниц читатель узнает, что Кэт нет в живых. «As the novel opens, Kath has been dead for several years, and the narrative tease is to keep us wondering why», – пишет А. Хиклинг [1].

Обстоятельства и причины ее, как оказывается, добровольного ухода из жизни раскрываются лишь на последних страницах, хотя по ходу романа расставлены едва заметные указания на причины трагедии, которые не всегда воспринимаются не только читателем, но и самим «искателем» Глином. «...she was on such a high that summer. What a shame it all went wrong. She was so upset – you could see» – сочувственно говорит один из мужчин, которого Глин подозревал в связи с его женой. Но Глин, как обычно, не придавал значения этим словам. «But Glyn does not hear this, he will hear it later, much later» [2, p. 123].

Подобные недосказанности задуманы писательницей для того, чтобы, во-первых, ярче обрисовать характер Глина, во-вторых, заинтриговать читателя, подогреть его интерес, ведя по пунктам квеста. В ходе расследования выявляются мотивы и причины поступков всех персонажей, обусловленные, естественно, чертами их характеров. Становится ясно, что только сейчас герои начинают задаваться вопросом о собственной причастности к трагическому событию десятилетней давности. Фотография разворошила их память, которая теперь словно высвечивает отдельные, не всегда связанные друг с другом эпизоды и сцены.

Находка фотографии заставляет Глина вспомнить подробности его знакомства с Кэт и их совместной семейной жизни, а также впервые задуматься над характером их взаимоотношений. Через эти воспоминания выявляется характер Глина. Он – известный ученый, харизматичный, амбициозный, уверенный в себе, настоящий трудоголик: «There's not a day in my life in which I haven't worked» [2, p. 10]. Глин тщательно продумывает план действий; он подходит к организации своего расследования с обычными для него методичностью и педантизмом, называя свой научный подход «fact finding process», «pursuit of witnesses», «search for further enlightenment» и даже «forensic research» (судмедэкспертное расследование). Но этот труженик сосредоточен на себе и эмоционально глух. Женившись на Кэт, он относился к ней как к само собой разумеющейся данности, не интересовался не только ее чувствами, но и делами, имея смутное представление о времяпрепровождении супруги. Теперь, десять лет спустя после смерти жены, у него возникает желание разгадать ее загадку, и это «requires input from others» [2, p. 116], то есть он может сделать только с помощью других людей. Некоторые из встреч Глина оказываются безрезультатными или тупиковыми для него, но, как настоящий исследователь (и игрок в квесте), он не обескуражен, а лишь более рьяно продолжает прохождение своего квеста. Конечной целью его расследования являлось выяснение того, была ли неверность присуща жене в целом. Поэтому встречаясь с людьми, знавшими Кэт, он часто пропускал мимо ушей некоторые их слова, не имеющие, по его мнению, отношения к интересующей его проблеме. Так же при жизни жены он игнорировал некоторые ее слова и поступки. «There's something you never say», – сказала ему однажды Кэт перед его полетом в США, а он даже не поинтересовался, что она имела в виду, как и не обратил внимания на ее заплаканное лицо. Жена художника, который рисовал портрет Кэт, с сожалением сказала Глину, как расстроена была его жена в один из сеансов. Но Глин проигнорировал это, так как во время этого разговора он уже наметил для себя следующую точку квеста. Позже Мэри Пакард, подруга Кэт, скажет ему: «You've become obsessed with Kath <...> in a way that you never were when she was alive» [2, p. 223].

Итак, центральной фигурой романа является Кэт, которой уже десять лет нет в живых, но которая каким-то образом по-прежнему влияет на всех других персонажей. Один из героев, Оливер, сделавший когда-то тот роковой

снимок, говорит: «She had an effect», но Мэри Пакард поправляет его: «She still is having an effect» [2, p. 230]. Воспоминания персонажей дают пищу как для вопросов, так и для догадок и суждений внимательного читателя, который по воле автора вынужден вести свой квест. Вот некоторые из вопросов, которыми невольно задается читатель по ходу чтения романа: зачем Кэт сохранила компрометирующий снимок? почему надписи на папке и конверте противоречат друг другу? кто и зачем сделал эту фотографию? почему Кэт вступила в любовную связь с мужем собственной сестры? что было причиной ее подавленного состояния в определенный период, которое заметили другие люди, но не заметил муж? почему у Кэт не было никаких постоянных занятий? почему в детстве она приставала к сестре с вопросом «Do you love me?» что случилось с Кэт? что стало причиной ее суицида?

Ответы на некоторые из этих вопросов внимательный читатель постепенно находит сам, другие выясняются в конце книги. Когда в предпоследней главе романа Мэри Пакард как бы ставит психологический диагноз Кэт, то такой читатель может почувствовать себя вознагражденным за свою наблюдательность и догадливость, в то время как Глин шокирован ее откровениями. В романе неоднократно возникает ситуация своего рода драматической иронии, при которой читатель оказывается более сведущ или догадлив, чем персонажи романа. Так, зная о любви Кэт к детям, читатель может догадаться о характере беды, постигшей ее и о причинах подавленного состояния, в то время, как ни ее муж, ни сестра – оба в силу своего эгоизма – даже не знали о том, что она потеряла ребенка. Читатель может оказаться прозорливее Глина и в отношении следующей ситуации: слушая комментарии мужа по поводу работ своих студентов, Кэт бросает: «I wish I was one of your students» <...> He did not know what she meant. <...> ‘Why?’ – Oh, just, they know someone I don’t. Do you get fond of them?» [2, p. 106]. Из-за своей эмоциональной глухоты он не уловил в ее словах тоску по вниманию, желание играть в его жизни большую роль, чем та, которую он, увлеченный своей работой, отводил ей.

Воспоминания Элейн, преуспевающего садово-паркового дизайнера, которая была старше Кэт на шесть лет, проливают свет на многие обстоятельства жизни обеих сестер. Из них читателю становится понятно, что причины и мотивы поведения Кэт, в конечном итоге приведшие к трагическому финалу, определяются как врожденными чертами ее характера, так и обстоятельствами жизни. Ее встреча с Глином, так как именно к ней он первым делом обратился в своих поисках истины, заставила Элейн возвращаться в прошлое, ворошить в памяти факты и события, которым она ранее не придавала значения. Ее воспоминания тоже превращаются для нее в своего рода квест, так как она стремится разобраться в характере своих взаимоотношений с сестрой и начинает яснее понимать ее психологию, а также осознавать свою вину в случившейся трагедии. Сестры диаметрально противоположны по характеру: Элейн – целеустремленная, амбициозная, с самого детства знающая свое призвание и стремящаяся утвердиться в

избранной сфере. Она не признается себе в этом, но из воспоминаний героини читателю становится ясно, что ее суровость по отношению к Кэт объяснялась ревностью. Мать по-разному относилась к дочерям, явно отдавая предпочтение младшей; она даже по-разному чувствовала себя в их присутствии: неуверенная и сдержанная с Элейн, она становилась разговорчивой и мягкой с Кэт. Потеряв мать в шестнадцать лет, Кэт начала подсознательно искать ей замену в старшей сестре, но та сразу пресекла эти попытки. «Do you love me? – Don't be silly. You are my sister» [2, p. 165]. Позже Элейн будет ревновать Кэт даже к своей дочери Полли.

Избалованная вниманием и честолюбивыми надеждами матери Кэт так и не сумела приобрести специальность и, таким образом, найти прочную опору в жизни. Она жила на небольшое состояние, оставшееся от матери, иногда зарабатывая случайными занятиями. Она обаятельна, но непредсказуема. Быстро располагает к себе людей и сходится с ними, но так же легко расстается. Она очень любит детей, и те отвечают ей взаимностью. Но ее легкость и оптимизм – маска ('smokescreen'), с которой она почти не расстается, лишь иногда раскрываясь в случайно оброненных фразах, подтекст которых адресатам, а вместе с ними и читателю приходится расшифровывать, чтобы понять мотивы ее поступков.

Автор заставляет читателя задуматься о психологических причинах, по которым Кэт могла вступить в связь с мужем своей сестры. Поскольку из предыдущих глав читатель уже получил представление о никчемности Ника и легковесности его характера, то он вправе предположить, что не страсть привела Кэт в объятия этого мужчины, что за этим поступком может стоять нечто иное. Воспоминания Ника об одной из встреч предоставляют читателю возможность проверить верность своих догадок. «Why are we doing this?» she asks. <...> why am I doing it? <...> «Is it because you're Elaine's husband?» <...> «When I was younger I wanted to *be* Elaine. More than anything I wanted to be like her – to be organized and sensible and confident» <...> «Maybe I am doing this because I still want to be Elaine», she says [2, p. 139–142].

Сложно однозначно определить, что руководило Кэт в данной ситуации. Был этот адюльтер проявлением ее зависти сестре или желанием отомстить за пренебрежительное отношение к ней и недостаток внимания? Или ею руководило желание хоть в такой извращенной форме встать вровень с ней? В любом случае читатель оказывается ближе к пониманию ее мотивов, чем сама Элейн, для которой причина поступка сестры так и остается загадкой, о чем когда-то сказала и сама Кэт: «She won't ever have realized that, I imagine» [2, p. 142].

Постепенно у читателя складывается представление о причинах, которые могли привести ее к мысли о самоубийстве: нереализованность, одиночество, выключенность из жизни других людей, депрессия, усталость от необходимости носить маску беззаботного, довольного жизнью человека. Но, как известно, толчком для трагического поступка становится какая-то реальная ситуация. Лайвли больше не томит читателя и в главе «Тот день»

(«That Day») показывает, как сосредоточенность близких людей на своих делах, неумение, а еще чаще нежелание услышать и понять другого, уделить ему хоть небольшую часть своего времени и внимания может стать последней каплей. В то роковое утро Глин, в силу своей занятости, в очередной раз отверг предложение Кэт провести вечер вместе, не почувствовал подтекста в ее тоскливых словах, а в середине дня проигнорировал ее звонок. Не ответили на ее звонок ни Ник, когда она пыталась связаться с сестрой, ни сама Элейн, хотя она несколько раз в тот день вспоминала Кэт, с которой до этого не общалась уже несколько недель. Нетрудно представить внутреннее состояние Кэт, ее отчаянные попытки получить поддержку близких людей, которая помогла бы ей избавиться от чувства одиночества, отчаяния, безысходности и неприкаянности. «Her suicide is the consequence of disappointment not in any affair, but in the limitations of those who purported to love her most. They discover her frailty, and their own capacity to destroy, too late», считает С. Викарс [3]. Ощущение потери связи с окружающим миром в лице близких ей людей, внутреннее проживание трагической ситуации собственной ненужности заставили Кэт принять большую дозу снотворного.

Однако было бы ошибкой считать только черствость окружающих причиной добровольного ухода Кэт из жизни. По мере чтения романа, еще до того как читатель узнает о смерти героини, у него невольно возникает ощущение фатальности, некой заданности, предопределенности, которое в конце романа подтверждается мыслью Оливера: «He saw – dimly, inexplicably – that in some disturbing way what had happened was heralded, that there had always been something troubled about Kath, something that set her apart. Behind and beyond her looks, her manner, there had always been some dark malaise» [2, p. 216]. Характер этого психологического «недомогания» поясняет Мэри Пакард в разговоре с Элейн, определяя его как проявление у Кэт своего рода комплекса неполноценности, отсутствия осознания ею собственной значимости: «She always wanted to be someone else. She wanted to be you. She wanted to be me» [2, p. 228]. Она высказывает свою убежденность в том, что причиной такого состояния Кэт мог стать недостаток любви, потребность в которой она ощутила с потерей матери и не смогла получить от старшей сестры. И если для Элейн это стало своего рода откровением и словно подвело итог ее размышлениям, то читатель вряд ли будет полностью удовлетворен данными аргументами. Факторы, сформировавшие характер Кэт, явно сложнее, причины ее нереализованности лежат глубже, что может заставить читателя продолжить свой квест уже за пределами романа.

Дочитав роман до конца, читатель получает ответы на все вопросы, сформулированные выше, кроме одного: зачем Кэт сохранила компрометирующий снимок, сопроводив его интригующими надписями. Герои Лайвли напрямую не задаются этим вопросом, но он не может не интересовать читателя. Ответ на него остается открытым, и это задание квеста каждый читатель волен выполнить по-своему, но непременно исходя из глубокого понимания психологии героини. Таково было, на наш взгляд, намерение П. Лайвли, оставившей непроясненным этот момент.

Вполне возможно, что прочитав роман, узнав о перипетиях взаимоотношений между Элейн и Глином (когда-то они были равнодушны друг к другу), Ником и Кэт, читатель может заинтересоваться вопросом о возможности другого сочетания внутри этой четверки людей. А. Хиклинг делает следующее предположение: «In an ideal world pompous landscape historian Glyn would have married bossy garden designer Elaine whose footloose younger sister would be perfect for the equally feckless and fancy-free Nick» [1]. На наш взгляд, такое перераспределение вряд ли создало бы идеальные пары. По крайней мере, трудно представить, что Кэт нашла бы ту опору, которую она всегда искала, в слабовольном мечтателе Нике. Впрочем, читатель волен выдвигать свои предположения на этот счет.

Таким образом, фотография, которая заставила героев погрузиться в прошлое, пересмотреть свои взаимоотношения, ответственно задуматься о своем восприятии Кэт, о пространстве, которое она занимала в их жизни, о собственной роли в ее трагедии, дала толчок процессу их самопознания, который тоже стал своего рода квестом. Пройдя его, ответив для себя на вставшие перед ними вопросы, они снова обрели эмоциональный баланс, но это равновесие уже нового качества. Каждый из персонажей по-новому взглянул на себя и, возможно, стал более чуток к другим людям и самокритичен по отношению к себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hickling, A. Review. The Photograph by Penelope Lively [Electronic resource] / A. Hickling. – Mode of access : <http://www.theguardian.com/books/2003/jan/25/featuresreviews.guardianreview14/>. – Date of access : 26. 05.2017.
2. Lively, P. The Photograph / P. Lively. – London : Penguin Books, 2004. – 236 p.
3. Vickers, S. The Photograph, by Penelope Lively [Electronic resource] / S. Vickers. – Mode of access : <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/reviews/thephotograph-by-penelope-lively-133691/html>. – Date of access : 26.05.2017.